

ОТ АВТОРА

В основу книги положены лекции, читанные для магистров на филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. В тексте сохранились особенности лекционного курса: изложена методика концептуального анализа, есть неизбежные повторения мыслей, доказательств и авторитетных цитат, много исторических справок, примечаний, примеров, заданий. Тем не менее это *университетский* курс, и как таковой, он излагает оригинальное авторское понимание концептологии как новейшего метода лингвистических исследований — *прагматическая когнитивистика*. Авторская позиция основана на традиционном русском реализме, который объединяет в себе логическое и лингвистическое, т.е. соответствует идеям когнитивизма, а потому вариантен и свободно переходит на соседние плоскости научного исследования благодаря общему феномену — слову.

Основные положения могут вызвать возражения у отдельных коллег, но условная гибкость представленной позиции позволяет в отдельных случаях варьировать описание — переходить как на *лингвистический номинализм*, так и на *логический концептуализм*. Колебание между указанными научными программами обусловлено полнотой избранного направления исследования, а инвариантное содержание номинализма, концептуализма и реализма в настоящее время размыто, поэтому речь не идет о том, чтобы занять строгую позицию в каждом отдельном исследовании. Однако выбор позиции обусловлен качеством народной ментальности (а русская ментальность находится в зоне реализма), предопределяет цели и задачи исследования, а также конечный результат самого исследования. Пренебрежение этим вызывает сомнение в точности и строгости исследования, переводя его в публицистическую плоскость.

Первая отличительная особенность книги состоит в постоянном обращении к *истории* концептов, ограничиться только синхроническим описанием мешает сущностная черта концептологии, направленная на поиски архетипов в виде смыслового зерна *концептума*. Другими словами, в отличие от других направлений когнитивистики, концептология представляет собою *исторический* ее срез. Расхождение между описательно-синхроническим и историческим подходами к предмету известно давно: «...уже Аристотель и схоласты различали два вида доказательств: доказательство, *что́ есть вещь*, и доказательство, *почему есть* данная вещь» (Б. Больцано) — и только исторический подход отвечает на вопрос «почему». Вообще говоря, исследование ментальной составляющей языковых форм невозможно без обращения к ее развитию, т.е. к истории. В этом состоит отличие от исследования структур языка, синхронических по определению. Историзм иногда воспринимают как «глубоко укоренившийся релятивизм», но на самом деле наоборот — сама относительность есть порождение исторической точки зрения. Вместе с тем показано, что развитие когнитивной лингвистики, ведущей свое начало с 1970-х гг., является возвращением к традиционным русским *историко-филологическим* исследованиям (В.М. Алпатов) и в научном сознании у нас проявилось раньше, чем на Западе, «происходит “встреча” когнитивной семантики с отечественной традицией» (Е.В. Рахилина).

Вторая особенность книги — она дедуктивно теоретична, т.е. от известной *идеи* нисходит к конкретным *проявлениям* этой идеи. Примеры даны только в качестве иллюстраций описания, их можно бесконечно умножать. Упоминание авторитетов также носит иллюстративный характер, это способ привести другие точки зрения или вступить в полемику с ними. Перед читателем ставится задача осмыслить теорию и наполнить ее результатами собственных конкретных наблюдений. Это, конечно, отчасти затрудняет чтение, но я руководствовался истиной, высказанной блестящим лектором

В.О. Ключевским: «Не я должен быть понятным, а вы — *понятливы*».

Отечественная наука развивалась, несмотря на самые разные политические и академические ограничения, особенно в советские годы, когда все, что не вмещалось в прокрустово ложе марксистской науки, объявлялось лжеучениями. Особое место в ряду таких подвижников занимает В.В. Налимов, «последний рыцарь» нетрадиционного знания, математик и философ. Он оставил много ценных исследований в области познания, а в книге «Искушение Святой Руси» завещал нам следующее: «Возникновение новой культуры — это *концептуальное* объединение того, что уже начало вызревать... Каждое отчетливо выраженное направление мысли создает особый язык, обладающий своей специфической семантикой и своей логикой построения суждения... Примечательным стало то, что теперь, наконец, открылась возможность наведения моста между материей и сознанием. Мы подошли к изучению *запретного*. Пока сделано немного, но путь открыт... Восприятие мира как *тайны* — это и есть то, что делает научного работника ученым... Эволюция национального сознания — *архетипа народа* — происходит крайне медленно... Нужен новый *ментальный* потенциал. Нужны и харизматические личности, готовые его воплотить... Существенным является смягчение представлений о научной гипотезе. Сейчас... можно не бояться вносить мифологический оттенок в гипотезы и *сравнивать идеи с идеями*, а не с "опытом"».

Представленная литература вопроса дает возможно полное представление о современном состоянии науки и предлагает самые разные взгляды на *предмет*, окончательно еще не сфокусированный на единственно верной точке *объекта*. Это дело будущего, а пока, в современных обстоятельствах, обилие позиций, взглядов и решений свидетельствует о том, что когнитивистика находится в развитии и становлении, иными словами, *живет*. В целом, подбор цитируемых источников носит случайный и выборочный характер, однако в результате оказался очень показательным в общей системе аргументации.

Везде, где возможно, я старался аргументировать свои суждения отсылкой «к авторитетам». По этой причине в некоторых случаях временами текст представляет собой следование цитат, выражающих *мою* мысль уже сформулированными утверждениями. Особенно показательны западные источники, которые показывают сходства и различия, существующие между европейской и русской ментальностями. Поскольку мою версию концептологии иногда называют *философской*, методологические суждения самого общего характера я черпал из трудов философов, в том числе и зарубежных, если их идеи не противоречили моим убеждениям реалиста. Это позволило обойти основанные на тех же положениях суждения отечественных лингвистов. Подбор авторитетов диктовался общим принципом философского реализма и общим смыслом концептологии: наряду с «вещью» (языковая составляющая, лингвистика) присутствует ее «идея» (ментальная составляющая, философия).

По техническим причинам *объемное* представление концептологии оказывается затруднительным, и я не смог расположить материал таким образом, чтобы части книги *логически* следовали одна за другой. Вдобавок параллелизм в изложении характера ментальности и сущности концепта, по существу, несводим в общую точку изложения. Единственная возможность преодолеть эти трудности состояла в перекрестных отсылках к соответствующим параграфам, что, конечно, также затрудняет чтение, но зато связывает отдельные части изложения.

Надеюсь, что углубленное чтение работы и понимание основных ее принципов подвигнет читателей к исследованиям в данном направлении. Научное направление только еще развивается, оно нуждается в дельных работниках. На конференции в Дуйсберге Р. Лангаккер заявил, что именно в 1989 г. когнитивная лингвистика признана в качестве «самостоятельного интеллектуального движения», но, может быть, потому, что сам он ведет свои когнитивные исследования с 1970-х гг. и поэтому считает себя провозвестником нового «движения». При-

веденные в книге частые отсылки к ранним работам, начала XX в. и ранее, показывают, насколько глубоко залегают корни когнитивной лингвистики и как рано исследователи языка стали задумываться о связи как единстве языка и мышления.

В книге я часто привлекал материал различных научных направлений, и особенно часто — работы немецких философов. Именно неокантианцы больше других разрабатывали проблемы того, что теперь именуется когнитивной лингвистикой, достаточно вспомнить В. фон Гумбольдта, Готлоба Фреге, Эрнста Кассирера или Генриха Риккерта. Они многое сделали в области познания в формах языка и сформулировали кардинальное понятие о семантическом треугольнике. Вопросы когнитивистики разрабатывались также английскими представителями аналитической философии Бертраном Расселом и Людвигом Витгенштейном. Нельзя забыть также американцев Э. Сепира и Б. Уорфа, датчанина О. Есперсена и австрийца К. Бюлера, не в последнюю очередь наших ученых: А.А. Потебню, И.А. Бодуэна де Куртенэ, исследователей круга Н.Я. Марра и И.И. Мещанинова. В отступлениях от основного текста в книге приведены аргументы «от авторитета» и примеры в доказательство развиваемых положений. Всё это дано для того, чтобы, выражаясь словами Кассирера, «не ограничивать изложение собственных мыслей как бы в пустом пространстве». Кстати сказать, тем самым теория концептов *укореняется* в предшествующей научной традиции, которая получает новый стимул к росту. Однако работы зарубежных концептологов, за редкими исключениями, только упоминаются в качестве иллюстрации параллельных линий развития когнитивистики. Это особая тема, сложная и запутанная из-за разницы в подходах к теме, индивидуальных особенностей авторов и терминологии (то же самое касается и некоторых отечественных ученых). В книге вообще часто приведена полемика с другими точками зрения на предмет, но критика не ставит целью опорочить достижения коллег, часто очень содержательные и всегда вдохновляющие на поиск нового, а призвана только уточнить и оттенить

собственные наблюдения. Фронтальный просмотр литературы вопроса, предпринятый при написании текста, позволил выявить многие плодотворные идеи у ученых, мало известных по разным причинам, среди них И.Е. Аничкова, С.А. Аскольдова и В.С. Юрченко.

В конечном счете, если вспомнить суждения русских философов Серебряного века, окажется, что нет ничего неизвестного в русской ментальности, все известно и только пока не облечено в слово, а слово есть то, что и позволяет *своим ничего не доказывать*.

И последнее. Мне очень хотелось хотя бы отчасти изменить вектор в магистральном направлении когнитивной лингвистики, переведя ее с механически номинативистской на живой реализм, столь свойственный русскому сознанию. К сожалению, преобладающее большинство специалистов, действующих в границах когнитивной лингвистики, базовым образованием имеют западную филологию и активно черпают идеи и методы в трудах зарубежных авторов. Эти труды пропитаны не свойственной нашему сознанию ориентацией на номинализм, что отчасти искажает общую картину предпринимаемых изысканий в области русской ментальности. Нарушается научное требование соответствия объекта методу.

В заключение исполняю приятную обязанность — благодарю моих друзей и учеников, в беседах с которыми оттачивались основные идеи книги. Это доктора филологических наук Д.Г. Демидов, О.С. Ильченко, Т.С. Садова, А.И. Фомин, а также кандидаты филологических наук Д.В. Колесова и А.А. Харитонов — мои соавторы по «Словарю русской ментальности» (СПб.: Златоуст, 2014), материалами которого я широко пользовался в этой книге. Большую помощь мне оказали слушатели курса — магистранты кафедры русского языка разных лет, своей «незатертой» традициями ментальностью они устраняли все сомнения в том, что я нахожусь на верном пути. Хочу выразить чувство признательности тем мыслителям и ученым,

исследования которых сопровождали меня на этом пути. Их вдохновляющие наблюдения и стимулирующие идеи стали путеводным ориентиром в моих собственных поисках истины.

Моя особая благодарность редактору книги Ольге Сергеевне Капполь, которая провела поистине кропотливую работу над текстом, выверяя многочисленные сноски и переводя лекционный стиль изложения в педантично академический формат.